

Бреславец Н. А. Технологія критичного мислення, креативність – інноваційний компонент синергетичного підходу в іноземній освіті.

Сфера освіти перебуває в епіцентрі соціальних змін, стаючи однією з вирішальних умов прискорених темпів соціодинаміки. У галузі освіти повинні домінувати процеси інтенсифікації та інновацій, зокрема, на основі використання сучасних комп'ютерних і телекомунікаційних технологій, що дозволить вирішити не тільки технічні, матеріальні та фінансові проблеми. Застосування технології критичного мислення, розвиток креативності підвищить інтелектуально-творчий потенціал студентів, дозволить успішно вирішувати психологічні, управлінські та організаційні питання в процесі професійної діяльності.

Ключові слова: критичне мислення, креативність, синергізм, інноваційні методи навчання, педагогічна традиція.

Breslavets N. A. Critical thinking technology, creativity – innovative component of synergetic approach to foreign language education.

Sphere of education is in the centre of social changes becoming one of the critical conditions of socio-dynamics accelerated rates. In the sphere of education processes of intensification and innovation especially based on the use of modern computer and telecommunicate techniques should dominate. This will allow for solution not only technical, material and financial problems. Use of critical thinking technique and development of creativity will increase intellectual and creative potential of those being educated and allow for successful solution of psychological, managerial and organizational tasks in the process of professional activity.

Keywords: critical thinking, creativity, synergy, innovative methods of teaching, pedagogical tradition

УДК 338.124.4

Бушев А. Б.
Тверской государственный университет
(г. Тверь, Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ МЕДИА

Статья посвящается метафоризациям экономического кризиса. Понятие “метафоризация” рассматривается в широком смысле, включающим стертые и небанальные метафоры и другие виды актуализаций, в частности такую постоянную составляющую исследуемого дискурса, как эвфемия. Статья способствует выработке оптики прочтения социального дискурса.

Ключевые слова: метафоризации, дискурс, эвфемия.

Дискурсивные исследования уже дано не понимаются столь узко – в том значении, как их понимал З. Харрис, для которого дискурс являл собой цепочку слов и предложений, которую автор анализировал при помощи методов структурной лингвистики. Дискурс-анализ уже и не анализ ментальных схем, используемых людьми при понимании текста (работы Т. ван Дейка 80-х годов). Дискурс – это сложная система иерархии знаний, включающая кроме текста, еще и экстралингвистические феномены разного рода (знания о мире, мнения, цели, установки, идеология, властные отношения). Иными словами, дискурс-анализ – это интерпретация текста в конкретных исторических обстоятельствах, в конкретной культуре, в конкретных условиях.

Истоки дискурс-анализа общеизвестны: лингвистика, марксизм, психоанализ. В основании теории дискурса находятся и семиотика, и социолингвистика, и

коммунікативістика, і політологія, її історія представлена такими іменами як А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Фуко, М. Бахтин, Ж. Делез. В розробку теорії дискурсу значим вклад Т. ван Дейка, П. Рикера, Я. Торффінга, Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, С. Бенхабیب, Ф. Бенетона, Н. Фэркло. Іменно осмислення ролі мови в соціальному житті змушує говорити про методологію дискурс-аналізу. Річ йде про виявлення соціокультурних передумов мовної діяльності, змушує нас говорити про ту чи іншу ступінь ангажованості адресанта.

Серед робіт, що намагаються осмислити різні варіанти дискурсних досліджень слід назвати *“Дискурс-аналіз. Теорія і метод”* скандинавських авторів Маріанне В. Йоргнесен і Луїзи Дж. Філіпс (Йоргнесен 2008). Ці автори приводять концепції, що лежать в основі різних дискурсних підходів, приводять обширну сучасну бібліографію питання. Однак наведені переважно дослідження, обмежені англосаксонським світом і виконані на західно-європейському матеріалі.

Таке напрямлення когнітивних досліджень, як *критичний аналіз дискурсу*, представляється одним з найбільш інституціоналізованих напрямків і отримало в світовій науці визнання завдяки роботам Т. ван Дейка, Р. Водак (наприклад, van Dijk 2011).

Серед істочків дискурсних досліджень – роботи французьких структуралістів (К. Бремон, Ж. Женнет, Ю. Кристева, Ц. Тодоров) і дослідників дискурсу (М. Фуко, А. Греймас, П. Серио, М. Пеше, Р. Барт, Ж. Деррида, Ф. Растье), північно-американські структуралістські істочники теорії дискурсу (З. Харріс), які приводять до постструктуралістського дослідження дискурсу. Іншими словами дискурсні дослідження пройшли шлях від прикладної лінгвістики до політики і культури. Сьогоднішні дискурсні дослідження ґрунтуються на роботах по постструктуралістській критиці знаку (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан). Дискурс-аналіз в епоху постнекласическої раціональності не може не включати в себе філософських і онтологічних передумов (Л. Альтюссер, Г. Маркузе, Г. Дебор). Труды Эрнесто Лаклау і Шанталь Муфф сформулювали оригінальний шлях дискурсних досліджень: ядро політики – це дискурсна реальність. Дискурсні популізм, апартеїд, ідеологія, державна мова. Звідси явственною стає значущість методу.

Легалізація суб'єктивного досвіду, рефлексія суб'єктивності – феномен на межі між некласическою і постнекласическою раціональністю. Серед концепцій, що вплинули на теорію дискурсу – теорія когнітивних конструктів Дж. Келлі, нарративний підхід до аналізу тексту. Слід згадати і спектр нової історическої науки, що народжується після школи “Анналов” – історія ментальностей, гендерна історія, мікроісторія, історическа антропологія, історическа когнітивістика, нарратологія, потестарна імагологія. Інтелектуальна історія здійснює представлення знань як продукту дискурсів. Показателіми є труды дослідників менталітету, французької школи “Анналов” (М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф), А. Я. Гуревича, семиотиків. Увагу привертають історическа і культурна обумовленість знань, різні можливості їх категоризації.

Рефлексії піддаються цінності дискурсу, аксіологіческе його вимірювання. Неможливо уникнути аналізу такого феномену, яким є сучасні нам мас-медіа. В якості трудов, що ґрунтують рефлексію над самим феноменом медійності, необхідно відзначити сучасний французький філософський дискурс (М. Мерло-Понті, Ж. Делез, Ж. Ліотар, Ф. Гватари, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьє), труды футурологів і теоретиків глобалізації (Э. Тоффлер, М. Кастельс, Э. Гидденс, Р. Робертсон, Г. Шиллер), труды російських політологів – представителів окремих, найбільш помітних політических медійних дискурсів і їх відображення в мас-медіа.

Активно формуються дискурс-аналіз і на північно-американському континенті

(Д. Таннен, Л. Камерон, Д. Шифрин, Дж. Лакофф, Дж. Юл, Блумарт) (Дискурс 2011).

Можно отметить разработку современных качественных методов в отечественной гуманитарной науке, среди которых свое место занимает метод дискурс-анализа (Гусельцева 2009, Мусихин 2011, Плахов 2011, Тетерин 2011, Трахтенберг 2006, Углов 2009). Развивается и отечественная теория политического дискурс-анализа (О. А. Малинова, Г. И. Мусихин, О. Ф. Русакова, А. Д. Трахтенберг). Возникают направления исследований, связанное с анализом языковой личности и лингвистической идентификацией личности (В. В. Наумов). Здесь должно назвать и теорию языковой личности и филологическую герменевтику и стилистику декодирования. Показательна теория политической лингвистики – значимы подходы к теории метафоры в политическом дискурс-анализе, среди которых выделяют риторический, когнитивный, и критический в духе критического анализа дискурса (школа политической лингвистики А. П. Чудинова). Свой вклад в создание метода дискурсивного анализа вносят школа изучения метафоры Дж. Лакоффа и его последователей, направление исследований “политическая персонология”, инициированное семинаром по исследованию политического дискурса (Политический дискурс 2007). Существенный вклад в развитие теории дискурса вносит книга Г. И. Богина “Обретение способности понимать”. Можно указать и на большое количество прикладных исследований – например, работы по гендерной специфике дискурса, работы Г. Г. Почепцова и многочисленные работы по электоральным технологиям.

Особую значимость приобретают когнитивные исследования в лингвистике, проливающие свет на концепты, ценности, типы дискурсов (В. И. Карасик). Эти исследования смыкаются с когнитологическими исследованиями, связанными с концептосферой личности и культуры.

Итак, дискурс-анализ представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявляла социокультурные, идеологические, политические религиозные и прочие предпосылки организации высказывания. Дискурс анализ в поиске своей методологии затрагивает такие фундаментальные вопросы как соотношения философии, антропологии и социологии познания, формирование категорий социальной перцепции. Показательно, что дискурс-исследования не пренебрегают теориями, возникшими в русле смежных дисциплин, что являет собой лишнее свидетельство междисциплинарности анализа дискурса. Это, прежде всего, теория текстовых миров, антропологические исследования, дискурсивная психология, рефлексивная социология, феноменологическая социология, социоконструктивизм и социоконструкционизм, исследования виртуального дискурса. Необходимым представляется отметить инновационность самого метода коммуникации и дискурса в Интернете, оценка социальной значимости которой складывается в наши дни – дискурс мультимедийной журналистики, социальный веб, организационные коммуникации, телемаркетинг, социальные медиа, PR 2.0, политическая мобилизация и информационное противоборство, коммуникативно-информационное освещение экстремальных событий, подкастинг, педагогическая коммуникация (сайт НИЛ 2011).

Дискурсивные исследования способствуют выработке оптики по прочтению текстов масс-медиа. Здесь дискурс-анализу “помогают” медиалогия, социология масс-медиа. Показательны конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

Дискурсивный анализ актуальных политических явлений чрезвычайно сложен, а методология такого анализа только разрабатывается. Каковы языковые и риторические феномены, заставляющие нас занимать ту или иную точку зрения?! Насколько в критических исследованиях дискурса исследователь абстрагируется от этической позиции?!

Исследование актуального дискурса есть ни что иное, как известная еще издревле практическая политическая риторика, восходящая к античной полемике. Она вбирает в

себя традицию критического анализа дискурса, представленную в работах Дж. Оруэлла, Т. ван Дейка и Р. Водак, традиции французской школы новой исторической науки и школы исследования дискурса (М. Пеше, П. Серио, М. Фуко, деконструктивизм, школа медиалогии), исследований метафоризации (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Рассмотрение глобальных вопросов информационных технологий характерно для трудов М. Кастельса, Э. Тоффлера, Р. Дебре, М. Маклюэна, Г. Д. Лассуэла, Э. Гидденса, Д. Белла, П. Друкера, Ч. Хэнди, Г. Г. Почепцова, О. В. Гаман-Голутвиной, исследователей социологии массовой коммуникации и других исследователей.

Монополизация социальных представлений глобальными СМИ – проблема общественного мнения в понимании П. Бурдьё. Значима для данных исследований традиция социоконструктивизма. Показательны конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Много и часто справедливо говорят и о манипулируемости социумом при помощи масс-медиа, выстроенности такого социального института медиа, который в своих гениальных антиутопиях предсказали О. Хаксли и Дж. Оруэлл. В двадцать первом веке в “обществе спектакля” коммуницируемым становится весь мир. Место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Прессу давно, еще со времен классических исследований Торонтской школы, обвиняют в том, что она нагло, цинично, исподтишка управляет новостями, телевидение рассматривают как возможность поддерживать визуальный контроль над собственной жизнью. В столь широком ключе опыт медиа пытаются обсуждать Н. Хомский, Д. Боллинджер, Г. Лассуэл, У. Вайнрайх, П. Бурдьё. Критическая направленность исследований дискурса масс-медиа характерна в целом и для Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас).

В социологической теории глобальные проблемы распространения информации обсуждаются с позиций теории культурного империализма как варианта теории зависимого развития. Разработка мифологии СМИ проводится в традиции критического анализа дискурса. Р. Блакар пишет о языке как инструменте социальной власти, Г. Дебор говорит об обществе спектакля, им вторит П. Вирилио. Любое исследование этой проблематики неизбежно отталкивается от взглядов Г. Лебона, Дж. Мида, Ч. Кули, Г. Лассуэла, П. Лазарфельда, Г. Гарда, Г. Инниса, М. Маклюэна, К. Ховланда, Г. Гадамера. Влияние современной коммуникации на опыт человека изучается в мире (Торонтская школа, Анненбергская школа, Бирмингемская школа, Бодрийяр, Лиотар, другие представители постмодерна). Социологи активно обсуждают функции массовой коммуникации, концепции общественного вещания, четвертой власти, свободы печати, влияние СМИ на формирование массового сознания и социальных представлений. В мировой социологии массой коммуникации сформировались четыре теории прессы – авторитарная, либертарианская, теория социальной ответственности, тоталитарная теория. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

В наших работах нами показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса.

Подводя итог, посмотрим на институционализацию дискурс-исследований. В России начал издаваться журнал “Современный дискурс-анализ” (СДА 2011). Тексты, принимаемые в журнал, должны соответствовать одной из следующих предметных областей: теория дискурса; методология и методика дискурс-анализа; анализ конкретных типов дискурса; разговорный анализ; критическая теория; социология знания; философия языка; коммуникативные и медиаисследования, а также смежные и

аналогичные исследовательские области. Известны несколько публикаций уральской Группы “Дискурс Пи” (Макаров 2007, Русакова 2006, Современные теории дискурса 2006). Кросс-культурное измерение характеристики дискурсов представляет монография Т. Д. Венедиктовой “Дискурс торго” (Венедиктова 2002).

Активно проблематизируется поле бизнес-коммуникаций – институализируются орглингвистика, бизнес-лингвистика, изучающие инновации и властные отношения в бизнес-коммуникации, анализа дискурса в Интернете, различных “экстремальных” видов дискурса – террористической угрозы и антитеррористического дискурса.

Целью ближайших лет является создание интегративной концепции критического анализа дискурса, осмысляющей новую роль дискурс-анализа как метода анализа разных дискурсов в социально-экономической коммуникации в новых условиях инфокоммуникативного общества и цивилизации знаний.

При том, что ширятся методы интерпретативной, качественной оценки, непонятно, насколько ценными остаются конкретные методы исследования социальных коммуникаций – выборочные опросы, методы экспертных оценок, метод наблюдения, тестирования, социометрии, другие виды анализа – корреляционный, факторный, детерминационный, структурный анализ, метод имплицативных шкал, контент-анализ, мотивно-целевой анализ ит.д.

Задачами выступает выделение соответствующих подходов в качестве магистральных стратегий исследований, осуществляемых в рамках анализа дискурса, например, психологических (когнитивных, культурно-исторических и т.д.), лингвистических (грамматических, текстологических, стилистических и пр.), семиотических (семантических, синтаксических, прагматических), философских (структуралистских, постструктуралистских, деконструктивистских), логических (аргументативных и аналитических), информационно-коммуникативных (риторических) и анализ различного рода дискурсов и их типологизация.

В настоящей статье дискурсивному анализу подвергаются типичные особенности экономического дискурса. Материалом являются научные и публицистические тексты об экономическом кризисе, охватившем мир в 2008 году.

Когда речь заходит о деньгах, в дискурсе особенно часты **иносказания и эвфемия**: так, слова *resources, funds, finances* употребляются привычно *вместо money*.

Иной пример частотного эвфемизма, камуфлирующего нелицеприятную действительность: *подтасовка отчетности* вызывает названия типа *creative book-keeping, черная бухгалтерия*

Devaluation привычно заменяется на *exchange rate adjustment*.

Ставшие последние годы традиционными сообщения о кризисе изобилуют эвфемизмами типа *рост без развития, нулевые темпы роста, коррекция вниз = кризис, либерализация цен = их повышение, проблемы с ликвидностью = нехватка денег, высвобождение кадров = оптимизация занятости, социальное пособие = пособие по безработице*.

А как загадочны и необычны транслитерированные в русском языке экзотические термины: *флуктуация, аддикция, рецессия*.

Посмотрим на метафорику бирж: *Рынок в неважной форме, превалирует медвежье настроение, рынок не бьет рекорды*.

Говоря о **метафорике экономического дискурса** в целом, не надо забывать, что этот дискурс изобилует банальными, стертыми метафоризациями, метафорическими рефлексамии – свидетельствами метафорического переноса в словообразовании:

Cut the interest rates, the prices soared, tightening credit, put downward pressure on consumer spending, a key economic engine, outstanding debts, a period of global growth, the debt grew, speculative bubbles, to lower the underwriting standards, to increase their loan volume and total profit, to issue bonds to hold to maturity, financial leverage, mortgages began

to default, to hedge risks, stock indices entered a bear market, a bailout plan, credit crunch, to have a history of loan delinquency, predatory lending practices, a cash flow waterfall, easy money, loose credit.

Инвентаризация **банальных метафор** – не наша задача. Затушеванные метафоризации не несут ничего нового, не воспринимаются говорящим и слушающим. Это автоматизации. Однако отметим, что в традиции Американской теории метафоры существует множество публикаций, описывающих конечное число моделей таких метафоризаций – например, роста, животного мира, болезни, дороги и т.д.

Терминология кризиса нова: слов *subprime, bailout, credit crunch* в привычном для нас значении нет в словарях даже девяностых годов двадцатого века. Это – свидетельство развития язык и менталитета, так как за каждым этим словами находятся концепты.

Иные термины существуют давно, но не понятны без предварительной семантизации: *first lien mortgage, markdowns, margin calls, underwriting standards, non-recourse loans, adjustable rate mortgages, mortgage – backed securities.*

Lenders had begun foreclosure procedures.

Так словосочетание *subprime mortgage crisis* требует семантизации слова *subprime*, в современном своем значении известного с 1993 года и ставшего словом года 1998 года:

Subprime lending is the practice of lending, mainly in the form of mortgages for the purchase of residences, to borrowers who do not meet the usual criteria for borrowing at the lowest prevailing market interest rate.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debt holders, in particular MBS investors, from the risk of default. (Здесь, кроме всего прочего, пояснения требует и *MBS= mortgage backed securities*). *Like all swaps and other financial derivatives, CDS may either be used to hedge risks (specifically, to insure creditors against default) or to profit from speculation.*

Причина кризиса проста, сколько не укрывай ее за эвфемизмами: *Mortgages were issued to households with low incomes and assets and with troubled credit histories. Lenders have offered increasingly risky loan borrowers.*

Посмотрим на **эвфемизмы**, свойственные дискурсу о кризисе:

housing bubble, higher risk lending practices, liquidity risk, mortgage default, lending to uncreditworthy borrowers, capital flows, opaque financial products.

Все риски игры на бирже укрыты за эвфемизмами:

To assume difficult mortgages in the belief they would be able to quickly refinance at more favorable terms.

The risks to the broader economy created by the housing market downturn

The federal government bailout of thrifts during the savings and loan crisis of the late 1980s may have encouraged other lenders to make risky loans, and thus given rise to moral hazard.

Укрыты за эвфемизмами и последствия неразумной погони за доходными финансовыми операциями по вложению в сомнительные ценные бумаги:

To minimize collateral damage to the economy.

Плюс вторая причина – создание таких финансовых инструментов, как деривативы. Этот феномен нуждается в семантизации.

A variety of financial innovations have gradually made it possible for lenders to sell the right to receive the payments on the mortgages they issue, through a process called securitization. The resulting securities are called mortgage backed securities and collateralised debt obligations.

Отсюда понятен становится и результат, сколько не скрывай его за метафоризированными эвфемизмами:

Borrowing at a lower interest rate and investing the proceeds at a higher interest rate is a form of financial leverage. The prices began to decline and mortgages began to default

Многочисленные **аббревиации** не вносят ясности в воспринимаемый текст:

MBS, ARM, CDO, CDS= credit default swaps.

Естественным для отправителя, но затрудняющим рецепцию текста для читателя является факт наличия в текстах об экономическом кризисе различного рода **цивилизационных реалий** фигурантов экономического кризиса, требующих экстраязыковых знаний:

Emergency Economic Stabilisation Act of 2008, MBSs, CDOs, the State foreclosure Prevention Working Group, Bank of America, Fannie Mae, Freddie mac, Northern Rock, Bear Sterns, J. P. Morgan Chase, Merrill Lynch, HBOS, Lehman Brothers, AIG, federal Reserve, USA Office of Thrift Supervision, Citigroup, TARP funds, Federal Home Loan Banks.

Порой требуется **понимание самих концептов** типа *government sponsored enterprises (GSE)*.

Приведем пример знаков, требующих экстралингвистического знания:

*In November 2008 the Fed announced the \$200 billion **Term Asset –Backed Securities Loan Facility (TALF)**. This program supported the issuance of asset-backed securities (ASB), collateralised by loans, related to autos, credit cards, education, and small businesses.*

Постоянно явные и коннотированные оценки в тексте: *predatory lending practices, exorbitant fees.*

Усложняют процесс понимания текстов о кризисе термины. Так, например, частотен термин *securitization*, означающий сомнительный с традиционной точки зрения действие в отношении ценных бумаг:

Securitization meant that issuers could repeatedly lend a given sum, greatly increasing their free income

В экономическом дискурсе терминологизированы и слова типа *liquidity, solvency, credit crunch.*

Усложняют понимания **наименования эпонимические, метафорические, аббревиации.**

The Ponzi borrower – who relies on the appreciation of the value of his assets to refinance or pay off his debt, while being unable to repay the original loan.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debtholders, in particular MBS investors, from the risk of default.

Liberal economist Robert Kutner has suggested that the repeal of the Glass-Steagall Act by the Gramm-Leach-Bliley Act may have contributed to the subprime meltdown, but this is controversial.

Итак, метафоры, **эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие не неясность** – конститuentы дискурса экономического кризиса.

Еще одним конструктором общественно-политического дискурса является **оценочная лексика и семантика оценки:**

More favorable mortgage terms (i.e. refinancing, loan modification or loss mitigation).

С оценочностью связана и эвфемия:

*Corporations, trade groups, and consumer advocated have begun to cite data on the numbers and types of borrowers assisted by **loan modification programs**. Consumer groups claimed these modification affected less than 1% of the 3 million ARM subprime mortgages outstanding as of the third quarter.*

Множатся работы, утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает определенную структуру на реальность, задает способ видения объекта. В экономической теории мелиоративная оценка присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие, совершенная конкуренция*). Слышим “естественный уровень инфляции” – и сразу сказывается семантика слова “естественный”. И вот уже такой уровень понимается как “неизбежный, желательный, оптимальный прирост”.

Многие оперативные термины представляют из себя убеждающие метафоры, а не строгие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры “невидимая рука”, “ночной сторож”, *психология laissez-faire* (тут в семантике термина участвует и компонент “офранцузивания”: согласимся: это понимается не так, как буквальный перевод “делайте, что хотите”).

Существуют и мировоззренческие метафоры – *свободный рынок, открытый рынок, открытое общество*. В утверждении “*переходный период*” кроется признание ситуации приемлемой в силу временного характера.

При этом лексикологи оперируют понятиями “значение” и “понятие” (Арнольд 2002: 151): “Под лексическим значением слова... понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы. Поскольку в понятии отражается реальная действительность, значение слова соотнесено с внеязыковой реальностью, вместе с тем понятие не тождественно значению, поскольку последнее имеет лингвистическую природу, включает неконцептуальные компоненты: экспрессивные, эмоциональные и другие коннотации. Мы не только называем понятие (денотативное значение), но и “второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения” (Арнольд 2002: 153). Характерна и семантическая иррадиация, которая заключается в том, что одно необычное, свежо звучащее слово “заряжает” весь текст, является его семантической доминантой, опредмечивает и задает главный смысл (*foregrounding, эффект обманутого ожидания, выдвигение*). Г. И. Богину эта тема виделась как исследование *актуализаций* в русле учения пращев и особенно Я. Мукаржевского. Обращаются к феномену актуализации и исследователи риторики художественного текста (И. В. Арнольд, П. Е. Бухаркин, В. А. Кухаренко). При этом надо учитывать, что не всякая метафора свежа. Дискурс изобилует банальными метафоризациями, семантическая нагрузка которых часто ничтожна, основные модели которых поддаются исчислению (Дж. Лакофф, А. Н. Баранов). Перечислим расхожие метафоры общественно-политического дискурса об экономическом кризисе последнего месяца: *economy is in bad shape; to set politics aside; to beef up the state of the intelligence; tax cut; American voters have spoken clearly; a weight has been lifted from my shoulders; a huge burden of expectations; amid a sea of supporters; running neck in neck; the clock is already ticking; to bury the hatchet; swing state; redesign the future; a new capitalism should be built out of today ruins; the shares are sliding; no-casino capitalism; chasing profits; slide into recession; removal of the trade barriers...* В речах Б. Обамы во время проводимой предвыборной кампании встречаем автоматизации типа *Destiny is written not for us, but by us. The wind of change is blowing*. Это рефлексии метафоризации как семантического способа словообразования. Свежесть такой метафоризации не больше, чем у речения “*Мадам, вы прекрасны как роза*”.

Потенциал затертой метафоризации был показан нами в военном переводе, в экономическом и общественно-политическом переводе, в историческом дискурсе. В экономическом дискурсе постоянно встречаются затертые метафоры: *naked short selling, credit default swaps, credit crunch, bailout, asset price bubble*. Оценим стандартность образности: *The markets liked the medicine shares have jumped. Рынки подскочили*.

Еще раз отметим, что отдельного обсуждения в связи со своей функциональной ролью заслуживает такое явление, как *эвфемия*: *executive remuneration = bonuses = overcompensation; low income food; risky spending; toxic assets = troubled assets; loose fiscal policy; financial malaise...* Ситуативной может быть *отрицательная коннотация эвфемизма*: *mortgage-related assets*. *Феномен скрытой и явной оценочности* требует внимательного изучения в связи с социальной значимостью и в дидактике, и в риторике, и в юрислингвистике. Явление эвфемии и феномен стереотипии (штамп, клише) также, наряду с затертой метафоризацией, являются текстовыми маркерами автоматизации

(Бушев 2010). Затертости смысла такого дискурса (сознательной или подсознательной) способствует и неясная семантика ряда рекуррентных коллокаций: *failed countries, humanitarian catastrophe...*

С семантическими играми связан язык политической корректности, проявляющейся прежде всего в феномене эвфемии – *рецессия, постепенный рост цен и зарплаты = инфляция, затишье на рынке отсутствие активности, бюджет увеличивается вам это будет дороже, малопривилегированные люди = люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства = нуждающиеся = люди, лишенные жизненных благ.*

Лишь понимание функциональной роли всех этих знаков позволяет нам подняться от первого уровня понимания экономического дискурса (простой семантизации его конститuentов) до когнитивно-распредмечивающего понимания и аналитико-прогностической работы.

Согласимся, что эффективное понимание текста выходит далеко за рамки собственно лингвистической трактовки и семантизации его знаков. Мы выходим к проблематике предпереводческого анализа и стандартного и актуализированного в дискурсе.

Используемая литература:

1. Арнольд И. В. Стилистика английского языка / И. В. Арнольд. – М., 2007.
2. Венедиктова Т. Д. Дискурс торгова в литературе США / Т. Д. Венедиктова. – М. : НЛЮ, 2002.
3. Гусельцева М. С. Методологическая “оптика” постнеклассической и неклассической рациональности / М. С. Гусельцева // Журнал практического психолога. – 2009. – № 6. – С. 4-25.
4. Дискурс. Энциклопедия “Кругосвет”. Интернет-источник:
5. Йорггенсен М. В. Дискурс-анализ / М. В. Йорггенсен ; пер. и науч. ред. А. А. Киселевой. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 350 с.
6. Макаров Д. И. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня / Д. И. Макаров // Свободная мысль. – 2007. – № 6. – С. 217-221.
7. Мусихин Г. И. Дискурсивный анализ идеологий / Г. И. Мусихин // Полис. – 2011. – № 5. – С. 128-144.
8. Плахов В. Д. Социология как дискурс/дискурсы / В. Д. Плахов // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 60-66.
9. Политический дискурс в России. Хрестоматия / сост., общая ред. В. Н. Базылева. – М. : ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. – 208 с.
10. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова // Полис. – 2006. – № 4. – С. 26-43.
11. Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического анализа Н. Фэркло) / А. Е. Тетерин // Полис. – 2011. – № 5. – С. 145-150.
12. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания / А. Д. Трахтенберг // Полис. – 2006. – № 4. – С. 44-52.
13. Сайт НИЛ 2011 – Научно-исследовательская лаборатория в области исследования бизнес-коммуникаций НИИ “Высшая школа экономики”. Интернет-источник: <http://buscom.hse.ru/news>
14. СДА 2011 – Современный дискурс-анализ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.discourseanalysis.org>.
15. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия “Дискурсология”). – Екатеринбург : Издательский Дом “Дискурс-Пи”, 2006. – 177 с.
16. Углов Д. В. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и дискурс как условие справедливости / Д. В. Углов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 2. – С. 24-28.

17. Van Dijk 2011. Teun A. van Dijk web site. – Интернет-источник : <http://www.discourses.org>

Бушев А. Б. Економічна криза: інтерпретація в глобальних медіа.

Стаття присвячена метафоризації економічної кризи. Поняття “метафоризація” розглядається в широкому сенсі, що включає стерті та небанальні метафори та інші види актуалізації, зокрема таку постійну складову досліджуваного дискурсу, як евфемії. Стаття сприяє виробленню оптики прочитання соціального дискурсу.

Ключові слова: метафоризації, дискурс, евфемія.

Bouchev A. B. Economic crisis discourse.

The paper sheds light upon metaphorizations of economic crisis discourse regarding them in a wider than usual sense. The metaphorizations include trite and new metaphors and different types of actualizations, euphemisms being among them. The paper contributes to elaborating optics of comprehending modern social discourse.

Keywords: metaphorizations, discourse, euphemisms.

УДК 81'276.6 - 057.87 - 054.6

Васецкая Л. И.

**Запорожский государственный медицинский университет
(г. Запорожье, Украина)**

**МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ
СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ**

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативной компетенции у иностранных студентов-нефилологов для общения в учебно-профессиональной сфере. В работе описывается педагогический эксперимент, в основу которого положена разработанная автором методическая модель обучения профессиональной речи. Суть предлагаемой модели обучения заключается в идее обучения базисным интенциям профессиональной речи. Выделенный коммуникативный минимум определяет наполнение комплекса учебных материалов, а также контроля уровня сформированности коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения.

Ключевые слова: профессиональная речь, методический эксперимент, базисная речевая интенция, комплекс упражнений и заданий, формально-речевые операционные, условно-коммуникативные и реально-коммуникативные упражнения и задания.

Современный этап преподавания иностранных языков в нефилологических вузах Украины претерпевает серьезные изменения в связи с переходом на новые программы, соответствующие требованиям Болонской конвенции. Кредитно-модульная система обучения вызвала необходимость создания инновационных моделей формирования коммуникативной компетенции студентов-нефилологов в учебно-профессиональной сфере общения. В методике преподавания иностранных языков **актуализировалась** проблема разработки механизмов формирования навыков и умений профессиональной речи (далее: ПР). Поиску вариантов решения названной проблемы и посвящена эта статья.

Процесс формирования навыков и умений ПР у иностранных студентов-нефилологов является неотъемлемой частью процесса формирования коммуникативной компетенции данного контингента учащихся в сфере учебно-профессионального общения. Проверка предлагаемой методики обучения профессиональной речи иностранных студентов-медиков осуществлялась на основании методических принципов, приемов и средств обучения, направляемых на решение задач формирующего эксперимента.